

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/90/8

Сибирь как идеальное пространство в творчестве Всеволода Иванова

Елена Алексеевна Папкова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Аннотация

Рассматривается образ Сибири как пространства, приближенного к идеальному, в творчестве Всеволода Иванова. Произведения разных лет: легенда «Сон Ермака», повести «Бегствующий остров» и «Гибель Железной», роман «Похождения факира», сценарий «Сибиряки», очерки «Хмель, или Навстречу осенним птицам» – раскрывают образы реального пространства Сибири и Сибири, которая, становясь для автора или героя «далекой землей», приобретает черты идеального пространства. Иванов представляет идеальную Сибирь как место «взаимодействия двух цивилизаций» или возникновения городов будущего и как благословенную землю крестьянской справедливости (Беловодье). Анализ творческого пути писателя показывает, что искусственно смоделированное или легендарное пространство в итоге идеальным не оказывается, напротив, пространство, кажущееся обыденным, преображаясь светом любви к родине, идеальным становится.

Ключевые слова

Всеволод Иванов, Сибирь, далекая земля, моделирование идеального пространства, преобразование реального пространства

Для цитирования

Папкова Е. А. Сибирь как идеальное пространство в творчестве Всеволода Иванова // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 111–122. DOI 10.17223/18137083/90/8

© Папкова Е. А., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 111–122
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 111–122

Siberia as an ideal space in the works of Vsevolod Ivanov

Elena A. Papkova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Abstract

This paper examines how Vsevolod Ivanov portrays Siberia as a unique and almost ideal place in his writing. Early texts, created through dialogue and dispute with regional ideas, depict the image as both a future “arena of interaction between two civilizations” (“Ermak’s Dream”) and a real space characterized by social and national complexities. The space of Siberia begins to approach the ideal in those works where events take place outside the region. The stories “The Fleeing Island” and “The Death of the Iron Division” refer to the ideal space of Russian utopian legends, Belovodye. The Moscow novel “Y” chooses not the capital but the factory or town built beyond the Urals as an ideal space. The city of Gremyashchii from the unfinished script “Siberians” is compared with this ideal space of the novel “Y.” The story of the city, intended to be “the first all-encompassing health resort in Eastern Siberia,” reveals an ironic twist. As the narrative moves away from Siberia, the region begins to acquire the qualities of an ideal space. The main character of “The Adventures of a Fakir” leaves a dull, gray Siberia looking for a vibrant life in India, but after facing a series of setbacks, he has to return home. Ivanov shows that the artificial space of the “new civilization,” cities of the future, the legendary Belovodye, or India are not ideal. Conversely, it is the ordinary space transformed by love for the motherland that becomes ideal (the essay “Hops, or towards the autumn birds”).

Keywords

Vsevolod Ivanov, Siberia, distant land, modeling an ideal space, transforming real space

For citation

Papkova E. A. Siberia as an ideal space in the works of Vsevolod Ivanov. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 111–122. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/8

Понятие «идеального пространства» в художественных текстах не раз рассматривалось исследователями. «Для большинства художников <...> характерно стремление к построению идеала, противостоящего несовершенному миру, – пишет О. Н. Павляк. – Для этого поэты чаще всего обращаются к историческому прошлому, к культурно-религиозной традиции (Библии, историческим хроникам, эпосу древних народов, фольклору и т. д.), в которых находят необходимые образы, ситуации, сюжеты» [Павляк, 2011, с. 132]. Рядом с райским садом, блаженными островами и близкими по смыслу образами в художественных произведениях редко можно встретить образ Сибири. Однако представление о Сибири как идеальном пространстве или, во всяком случае, некоем особом пространстве, приближенном к идеальному, нередко встречается в трудах культурно-исторических деятелей.

О том, что именно в Сибири, являющейся континентальным, транспортным и культурным мостом между Востоком и Западом, зародится «новая цивилизация», заговорили еще во второй половине XIX в. представители сибирского областничества, выдающиеся ученые и общественные деятели Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Особую актуальность эти идеи приобрели в предреволюцион-

ные годы. Комментируя в 1916 г. в журнале «Сибирские записки» статьи Ядринцева «Крестовый поход науки на Восток» и «Возрождающаяся Азия», Н. Козьмин писал:

Ядринцеву мечталось, что Сибирь, покрытая высшими учебными заведениями, культурная, экономически сильная, с развитой гражданской жизнью, не только займет подобающее место, но явится посредницей между Востоком и Западом, носительницей начал цивилизации, прогресса. <...> И Ядринцев выдвигает величавую проблему. «Чем явится, – говорил он в заключение статьи, – слитие нового мира Европы с древним миром Азии, какая *новая цивилизация* вытечет из обмена цивилизаций столь разнообразных и какое оригинальное здание водружится под влиянием объединения народов, когда-то разлученных в среде мира – вот вопросы, достойные остановить внимание философа-историка» <...>. И сибирскому патриоту рисовалась головокружительная мечта, что Сибирь может сделаться ареной взаимодействия двух цивилизаций...¹

Но, замечает автор статьи, сибирская действительность представлялась ученому «далеко не соответствующей будущим возможностям. <...> Ведь это был только “непокрытый балаган”, как в своих фельетонах любовно и грустно Ядринцев называл часто свою родину. Вот сделать из этого балагана жилое здание, превратить его в дворец, в храм, с мраморными колоннами и светлыми богами – и должно стать задачей патриота»².

На настоящем этапе развития цивилизации различные деятели культуры вновь обращаются к Сибири, исследуя ее «социокультурный потенциал», ее «место и миссию в рамках России и Большой Евразии» [Цивилизационная миссия Сибири..., 2022, с. 7]. Сибирь как особое пространство, призванное занять «ключевое положение» в «переходную эпоху от нынешней цивилизации, которую можно охарактеризовать как техногенно-потребительскую, к будущей цивилизации, которую мы называем духовно-экологической» [Там же], представлена в современном коллективном труде «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития» (Барнаул, 1922). Авторы А. Иванов, Ю. Попков, И. Фотиева, М. Шишин утверждают: «Именно Сибирь с ее важнейшими культурно-био-сферными районами, типа алтайского и байкальского, призвана стать российской, общеевразийской и одновременно глобальной “стартовой площадкой” для перехода человечества к ноосферной цивилизации нового типа...» [Там же, с. 36].

Всеволод Иванов, родившийся в 1895 г. в Сибири и проживший там до своего отъезда в Петроград в 1921 г. юные годы жизни, без сомнения, был знаком с идеями областников (см. об этом: [Папкова, 2014]). Возможно, писатель относился к своей родине столь же двойственно, как и Ядринцев: размышлял, например, в «Легендах об ушедшей (вариант – «умершей») Сибири», о ее великом прошлом и будущем и в то же время видел ее убогое настоящее. В легенде «Сон Ермака» (1916) из названного цикла посланец хана Бурая Темирбей объясняет Ермаку, «пришедшему из далекой умной страны», его сон, в котором узнается областническая идея «новой цивилизации» в Сибири: «...дикарь – это народ си-

¹ По поводу писем Н. М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 72–73. Подпись: *Ландарма*.

² Там же. С. 73.

бирский, звезда – это то, что вместе с *вашей силой и нашим умом* <курсив наш. – Е. П.> воспитанным на долгом размышлении о Божьем мире, воплотилось в новый путь, по которому пошел народ сибирский» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 44]. По пророчеству Темирбея, создание новой цивилизации на пространстве Сибири не осуществится: «Вы растерзаете свою родину и нас затемните, и погибнет народ сибирский, не сделав великое» [Там же]. Однако заканчивается легенда словами Ермака, обращенными к неизвестному мальчику как символу будущего: «...я посылаю тебя к людям с моим сном – поведай им о красоте родины их...» – и рассказом о том, как идет мальчик по тайге «с душой, наполненной таинственным сном» [Там же, с. 45].

О реальном пространстве Сибири Иванов в том же 1916 г. напишет в очерке, опубликованном в газете «Приишимье»: «Тонем в грязи. В городе – грязь, грязь, азиатчина» [Там же, с. 107].

Можно сказать, что в рассказах, статьях и очерках писателя сибирского периода (1915–1920) Сибирь больше предстает как реальное пространство, со всей сложностью его социальных, национальных, бытовых и других проблем. Но это пространство, в котором есть место красоте и поэзии, что особенно видно в легендах и сказках Иванова.

Переехав в Петроград и вступив сначала в Пролеткульт, а затем в группу «Серапионовы братья», Иванов продолжает писать о Сибири. В 1922 г. известный критик В. Львов-Рогачевский отмечал: «Коренной сибиряк принес в литературу глубокое, нутряное знание и острое ощущение Сибири. *Он открыл нам Сибирь во всей ее первобытной красочности*, во всей ее гомерической огромности и со всей ее разноязычной пестротой и таежно-звериным крестьянским бытом» [Львов-Рогачевский, 1922, с. 159]. Уже из этой оценки видно, что Сибирь Иванова необычна, привлекательна, но не идеальна. По словам другого критика, А. Воронского, «она разноцветная и пестрая, дикая и первобытная, приключенческая и романтическая» [Воронский, 1987, с. 258], но опять же не идеальная. В «партизанских повестях», повести «Возвращение Будды» и рассказах книги «Седьмой берег», написанных в 1921–1923 гг. в Петрограде, действие которых происходит в Сибири, это по-прежнему двойственное пространство, сочетающее в себе жесткую реальность Гражданской войны и идеальные устремления героев к неким «далеким землям».

Иной Сибирь предстает в тех текстах 1920-х и последующих годов, действие которых вынесено за ее пределы. В рассказе 1921 г. «Полая Арапия», написанном Ивановым после поездки в районы голодающего Поволжья, крестьяне стремятся в некую «далекую землю», которая располагается на Востоке: «Сказывают, за Сыр-Дарьей открылась земля такая – полая Арапия. Дожди там, как посеешь – так три недели подряд. И всех пускают бесплатно, иди только. Земель много» (Иванов, 2012, с. 180). На страницах повести «Бегствующий остров» (1925) упоминаются уже конкретные сибирские реалии. Действие начинается с того, что в поезде, идущем, видимо, из Москвы на Кавказ, некто Галкин рассказывает автору-повествователю о раскольниках, которые еще в XVII в. искали спасения на Белом острове, расположенном «дальше крепости Тюмень да ближе крепости Тобольск, середь топей, середь болот...» (Иванов, 2012, с. 95), и до сих пор живут там в скитах, скрытые от людских глаз и от революции. О том, что образ Белого острова Ивановым создается с опорой на русскую народную утопическую легенду о Беловодье, нам уже приходилось писать (см.: [Папкина, 2021]). Важно, что

справедливая, чистая, праведная земля, мечта о которой воплотилась в легенде о Беловодье, у Иванова находится именно в Сибири.

Легенду о Беловодье сибиряк Иванов не мог не знать. Известно, что опубликованный в монографии замечательного исследователя народной утопии К. В. Чистова текст «Путешественника» XVIII в., авторство которого приписывается Марку Топозерскому (или иноку Михаилу), имеет три редакции, две из которых северно-русские, а третья – сибирская. Для Сибири беловодская легенда особенно важна: дорога, описанная в «Путешественнике», идет от Москвы (в одной из редакций – от Керженца) через реальные пункты средней России и Урала до Горного Алтая – названы Бухтарминская и Уймонская долины. Далее топонимика становится фантастической. Местонахождение Беловодья названо где-то «за Китаем» и около «Опоньского царства» [Чистов, 2011, с. 404–413]. В то же время, отмечает ученый, наряду с «легендами о далеких землях», в том числе и о Беловодье, «непрерывно бытовали сходные по функции рассказы о Сибири...» [Там же, с. 335].

Выскажем предположение о том, что пространство Сибири в произведениях Иванова приближается к идеальному, как только Сибирь становится для автора такой «далекой землей». Эта мысль подтверждается на примерах различных произведений писателя, основное действие которых в Сибири не происходит. В каждом из них образ Сибири представлен по-своему.

Повесть «Гибель Железной» (1927) рассказывает о войне с белополяками в 1920 г. При ее написании Иванов использовал опубликованный в 1924 г. в журнале «Пролетарская революция» очерк Л. С. Дегтярева «Политотдел в отступлении», действие которого происходит на Украине. Однако во вступлении к повести, написанном для 5-го тома собрания сочинений в 1928 г., Иванов указывал, что «характеры частью выдуманы, частью сделаны по истории N-ского Сибирского полка из бывших алтайских партизан» (Иванов, 2012, с. 525). О «Железной дивизии», гибель которой при взятии Киева описана в повести, идет молва в народе: «Ваша дивизия мужицкая, она всем мужикам счастье несет и освобождение, – говорит неизвестный крестьянин. – Ее одну поэтому вся земля прозвала Железной» (Иванов, 2012, с. 279). Аллюзия к легенде о земле народной, крестьянской справедливости (Беловодью) прочитывается на финальных страницах повести, где комиссар Плешко видит, как проходят, «тяжело ступая старыми мужицкими ногами, партизаны с Алтая»: «Они шли по снегам Сибири в белых балахонах, на лыжах, а затем сели в теплушки и поехали встречать весну к Польше, на Украину... <...> Тут есть и из Бийского уезда, и из Бухтарминской долины» (Иванов, 2012, с. 317). Напомним, что Бухтарминская и Уймонская долины, как убедительно показал Чистов, «оказались между государственными границами России и Китая на нейтральной территории, интереса к которой не проявляло ни одно, ни другое правительство. <...> Возможно, к концу XVIII в. слухи о существующей мужицкой земле, без чиновников и попов, достигли и европейских губерний. Есть сведения о том, что во второй половине XVIII в. эти две долины и назывались Беловодьем» [Чистов, 2011, с. 288]. Но путь героического партизана – это путь из идеального пространства к смерти: Железная дивизия практически полностью погибает.

Роман «У» представляет новый вариант образа идеальной Сибири. Действие романа происходит в Москве, и работа над ним идет в 1931–1933 гг., т. е. в то время, когда, в советском искусстве, как отметила Н. В. Корниенко, «предпринимается фундаментальная по своему замыслу акция под названием “Пролетарская

Москва ждет своего художника» [Корниенко, 2000, с. 215]. Летом 1933 г. в «Литературной газете» определяются рамки новой темы: «Тема Москвы – это тема боевой перестройки, тема международного звучания, тема мировой революции. <...> ...почему читатели не знают этого замечательного города, в который съезжаются люди всего мира, пытаясь понять, что же такое эта красная Москва, где Коминтерн, ЦК ВКП (б), красный интернационал профсоюзов, лучшие театры мира и пролетариат, изменивший под руководством большевиков во главе с тов. Кагановичем лицо своего города, превращающий его в новую образцовую столицу» (цит. по: [Корниенко, 2000, с. 218]). В первой половине 1930-х гг. создается немало произведений на заданную – московскую – тему: поэтические книги Д. Бедного. А. Жарова, А. Безыменского, Я. Смелякова, «Московские повести» И. Катаева, пьесы о Москве В. Катаева, М. Левидова.

Казалось бы, в московском романе, о котором в 1931 г. Иванов, отвечая на вопрос «Литературной газеты»: «Что вы дадите пролетариату к 15-й годовщине Октябрьской революции?» – высказался так: «Посмотрите на эти новые дома, на эту другую Москву. <...> Разве это не отблеск воли Кремля <...>. Вот о чем будет мой роман “У”, всё же я надеюсь, что великая тень 15-й годовщины Октября будет лежать на его робких страницах»³, – как идеальное пространство должна быть представлена Москва. Но ее в романе нет. В гротескно-сатирическом ключе показаны и старая Москва: герой романа Леон Черпанов вербует рабсилу на строящийся за Уралом некий комбинат в доме № 42 – притоне, где собрались воры, спекулянты, девицы легкого поведения, карточные шулеры, прикрывающиеся службой в советских учреждениях; и новая: «...багровое здание Моссовета, статуя Свободы. Отсюда начинают клики манифестанты, здесь пробуют голоса, здесь уютно и тепло крикнуть – да здравствует! – чтобы затем пронестись в каком-то ошеломляющем урагане по Красной площади – и ничего не запомнить, а увидев фотографию вождей, глядящих с мавзолея, машущих фуражками...» (Иванов, 1990, с. 394–395).

Черты идеального пространства, поданного, как всё в романе, также не без иронии, имеет будущий не то металлургический комбинат, не то город за Уралом, который представляет себе «секретарь большого человека» Егор Егорович. Он рассматривает чертежи, и перед его изумленным взором проходят баня, в которой можно «выжать из человека грязь, пот и мерзость»; дома «с газом, лифтами, разноцветными клумбами»; «библиотечный зал в клубе», где взрослые читают и играют в шахматы, а дети занимаются в чудесном детском театре; «чистые улицы, залитые светом, прямые голубые горы, леса вокруг, полные грибов и ягод» (Иванов, 1990, с. 398–399). Однако, как становится ясно в финале романа, Черпанов – обманщик, и вряд ли создание этого идеального пространства осуществится в реальности.

Интересно, что в написанном позднее, видимо в 1950-е – начале 1960-х гг., неопубликованном и незавершенном сценарии «Сибиряки» (недатированный автограф хранится в архиве писателя), где события разворачиваются непосредственно в Сибири, рассказ о городе Гремящем, который должен стать идеальным пространством, ведется писателем совершенно в другом ключе.

Образ идеального города в Сибири, возможно, возникает у Иванова не без отсылки к международному городу знаний Звенигороду, который Николай Рерих в 1920-е гг. мечтал построить на Алтае, в Уймонской долине, или к идее конца

³ Литературная газета. 1931. 7 нояб. С. 3.

1950-х – начала 1960-х гг. о строительстве на Алтае же города Кедрогора; название городу было предложено писателем В. Чивилихиным, горячо поддержавшим идею студентов Лесотехнической академии в Ленинграде всемерно способствовать «охране и комплексному исследованию биологических ресурсов кедровых лесов Алтая» [Цивилизационная миссия Сибири..., 2022, с. 107–109].

Город с названием «Гремящий», «первая всеохватывающая здравница Восточной Сибири»⁴, описан в тексте сначала восторженно, затем – с горькой иронией. «Дела на Гремящем – грандиозные! Вот уж воистину Гремящий – на всю Сибирь прогремит», – восхищается доктор Баух. Далее следуют слова автора, представляющего «вид на Гремящий»: «Очаровательное место! Неширокая, но глубокая река с естественными прудами и островами. Заливы, старицы. Сколько открытых, благовонных лужаек! И сколько закрытых укромных приютов отдохновения, как говорили в старину. Кажись, дотронься человек-строитель своей волшебной рукой, и долина украсится еще лучше». «Прямо, рай», – восхищается приехавший на строительство Иннокентий Андреевич. «Верно, рай, – соглашается автор. – Собственно, не совсем рай, но контуры рая явственно видны. Возле одного из прудов высится громада стадиона. На островах, где вода образует естественный забор, высятся коттеджи сильных и не совсем еще сильных области сей. Те, кто сознает, что им следует быть особенно скромными, – а может быть, и по врожденному чувству скромности, – воздвигли домики себе среди белых куц цветущей черемухи, у ручьев и заливчиков. На виду – гостиницы и дома отдыха всех существующих и несуществующих профессий. / Ах, как будут ясно петь здесь птицы над цветниками, садами и индивидуальными садиками! Как быстротечна будет здесь жизнь, как безмятежны и возвышенны будут дни, проведенные здесь!»⁵

Черты пространства, приближенного к идеальному, Сибирь в текстах Иванова начинает приобретать также по мере удаления действия произведения и его героя от нее. Яркий пример тому – автобиографический роман писателя «Похождения факира» (1935). На первый взгляд это кажется странным. Все исследователи творчества Иванова сходились на мысли, что идеальным пространством является в этом романе Индия – мир, куда герой и его друзья стремятся, отрицая и покидая «серую» Сибирь. Алешка, спутник автобиографического героя, во сне видит Индию:

Его страна очень походила на ту страну, о которой думал я. Небо розовое, а не такое, как у нас – серое. Деревья распускаются наверху громадными пучками листьев, а не так, как у нас ель ползет от самой земли мелкой, как песок, хвоей (Иванов, 1975, с. 277).

«Причина тяготения к воображаемому миру Индии, – отмечает исследователь из Индии Ранджана Банерджи, – отражается в высказывании героя: “Индия не такая, как реальная Сибирь, не серая”. <...> Этот ирреальный мир становится антиподом реального мира» [Банерджи, 2017, с. 384]. В статье Банерджи эта мысль соотносится с выводом другого исследователя творчества Иванова, Е. А. Краснощековой: Индия в романе Иванова – «прекрасный сон, рожденный отталкиванием от окружающей обыденности. Образ Индии и создается по принципу: всё там не так, как у нас» (цит. по: [Банерджи, 2017, с. 384]). Всё это, безус-

⁴ Личный архив Всеволода Иванова.

⁵ Там же.

ловно, верно, если иметь в виду только завершённые и опубликованные части романа, особенно первую. Однако на страницах сохранившегося в рукописи текста начала четвертой части романа, «Факир проходит цирк», появляется мотив духовной пустыни, возникающий по мере ухода автобиографического героя из Дома и, казалось бы, приближения к Индии:

Ты шел, страстно уверенный, <...> в эту Индию, где люди необыкновенной воли... Что от этого осталось?

Пустота.

Все мысли твои были пустотой (Иванов, 1975, с. 698).

До Индии герой не доходит. Более того, весь его путь – это путь разочарований и потерь: на цирковые выступления факира Бен-Али-Бея не приходит публика, пьесы его или проваливаются, или запрещаются, так как подписаны чужим именем; он работает наборщиком в типографии, лакеем, куплетистом, но его отовсюду выгоняют; подаренное кольцо с огромным изумрудом оказывается фальшивым и т. п. Злоключения героя напоминают похождения персонажей плутовских барочных романов, а окружающая действительность встает в абсурдных, гротескных ситуациях и странных сюжетных поворотах. Несмотря на легкий, ироничный тон повествования, обилие анекдотов, комических ситуаций, нелепых и забавных персонажей, книга «Похождения факира» получалась едва ли не страшнее «висельных», как их называли критики, рассказов книги Иванова «Тайное тайных» (1926). Как и персонажи «Тайного тайных», автобиографический герой Всеволод в «Похождениях факира» – «без креста». Богоборчество героя, заявленное в начале романа как «веселое» (описание разоблачения «святости» бабки Феклы, договор с дьяволом, чтобы получить «валенки-чесанки цвета яичного желтка в молоке, барнаульские, расшитые; коньки, ножик и окончание романа “Таинственный остров”») – (Иванов, 1975, с. 16–20)), вырастает во второй части до создания им своего «высшего духовного идеала», выработки собственной «системы» знаний, воли и поведения (Иванов, 1975, с. 305–307). Одни из лучших страниц романа описывают, как будущий дервиш Всеволод на «серебряной полянке» понимает язык зверей и слышит, как растут травы (Иванов, 1975, с. 317–322). Но духовная связь с миром животных и растений также утрачивается. Последнее, что теряет герой, это – чувство родины. «Это чрезвычайно странно, если человек не имеет родины! Может быть, увидев Петербург, столицу России, я пойму и почувствую наконец свою родину?» (Иванов, 1975, с. 500) – думает Всеволод. Но и этого не происходит. Начинается Первая мировая война. «На поля Галиции и Восточной Пруссии несется вооруженная армия, проходят полки за полками», «горят красными крестами тихие санитарные поезда» (Иванов, 1975, с. 504), причитают матери, а юноша Всеволод играет в добровольца, мечтает о битвах с природой и сочиняет романы под именем Альберт Монти: «Так как у меня не было родины, то естественно, что мне была безразлична моя фамилия» (Иванов, 1975, с. 660).

Парадоксально, но идеальным пространством в этом романе Иванова оказывается покинутый родной Дом в Сибири. Первая часть «Похождений факира» заканчивалась тем, что юноша Всеволод оставляет родительский дом, и картина, которую он видит перед уходом, на протяжении всего пути, в самые тяжелые его моменты, будет вставать перед глазами героя: «Отец стоит ко мне лицом, слегка склонившись над самоваром. Позади отца широкий и черный выгон. Отец весь в желтом. Он раздувает самовар длинным сапогом. Острые искры летят на чер-

ный выгон» (Иванов, 1975, с. 131). Работа над романом из пяти книг остановилась на четвертой, но о предполагаемом финале Иванов много раз рассказывал своему сыну Вячеславу: «В конце книги герой факир после скитаний в цирке возвращался к отцу и к дому. Отец, как в воспоминаниях о детстве, сапогом раздувал самовар, Всеволод видел его над обрывом, поднимаясь к нему снизу. Этим должна была кончаться книга» [Иванов, 2000, с. 507–508]. Таким образом, именно «серое», обыденное пространство Сибири, которую покинул герой, стремясь в прекрасную Индию, в итоге и оказывается идеальным. Введенный в роман мотив «блудного сына» не нов для писателя: он присутствовал еще в сибирских рассказах 1919 г. «Клуа-Лао – дух родины» и «Степь духмяная».

Обобщая сказанное, отметим, что Сибирь как идеальное или приближенное к идеальному пространство появляется именно в тех произведениях Иванова, действие которых или вообще в Сибири не происходит, или удаляется от нее по мере развития сюжета. При этом искусственно смоделированное человеком пространство «новой цивилизации», городов будущего, как и легендарное пространство благословенного Беловодья или прекрасной Индии, на поверку идеальным не оказывается. И, напротив, то реальное пространство, которое кажется привычным и обыденным, в действительности, преображенное светом любви – у Иванова любви к родному Дому, идеальным становится.

Подтверждением нашим выводам являются ежегодные путешествия Иванова на родину, в Сибирь, совершаемые в начале 1960-х гг., незадолго до смерти, и нашедшие отражение в дневниках писателя и в очерках «Хмель, или Навстречу осенним птицам» (1962). В. Б. Шкловский, познакомившийся с Ивановым еще в Петрограде 1920-х гг., вспоминал:

Всеволод поехал в дальние места, на границу Китая, на реку, где нет не только деревень, но и домов и юрт, нет почтовых отделений. Река течет через Монголию и с разгону вбегает в Сибирь. <...> Всеволод, человек между шестьюдесятью и семьюдесятью годами, на надувной лодке проехал по этой реке восемьсот километров. <...> ...есть его рассказ «Хмель», и видно, что Всеволод не состарился, не изменился, не озлобился. По-прежнему умел видеть людей не только такими, какими они должны быть, но и такими, какими они были [Всеволод Иванов..., 1975, с. 24–25].

Отметим, что и пространство Сибири Иванов научился видеть «не только таким, каким оно должно быть», но и таким, каким оно на самом деле является. Герой-рассказчик в этих очерках находится как бы в двух измерениях. С одной стороны, он описывает грустные реалии Сибири: замечает с горечью «черные застывшие клубки грязи» по дороге к гостинице в селе Чара, «скуку и тесноту» ее маленьких комнат (Иванов, 1978, с. 54), пьянство, которое «здесь принимает отвратительные формы» (Иванов, 1978, с. 77), отсутствие в продаже в Наминге и в Чаре носков (Иванов, 1978, с. 87), непролазные летом дороги, с «колдобинами, яминами да речками» (Иванов, 1978, с. 96), и многие другие приметы «азиатчины», кажется, не изменившиеся с 1916 г. Но герой не мечтает ни покинуть, ни преобразовать этот «серый» мир, создать некое идеальное пространство будущего. Путешественник, добравшийся до чудесной «далекой земли», но кровно связанный с ней, научился видеть преображенную реальность. И сибирская река Онон кажется ему «Гангом монгольских пустынь и гор» (Иванов, 1978, с. 38), и «неизвестные нам, московским жителям», небо и скалы, «залитые розоватым утренним светом, чистым и жгучим», в его глазах «отливают красками раду-

ги» (Иванов, 1978, с. 48). Особенно ярко эта двойственность взгляда автора-повествователя видна в пейзажах очерков. Пространство «серой» Сибири, где «накрапывает легкий и мелкий осенний дождичек, и все вокруг <...> выглядит немножко линиялым», вдруг сменяется необычной по красоте и яркости картиной: «Дождичек скоро кончился, и распахнулось небо: густо-зеленое в середине и ослепительно алое по краям, будто Байкал весь захлестнулся одной волной и мчится над нами, освещая нас блеском пожарищ, пылающих на его берегах! А глубина зелени все нарастала, а ярь алости все расширялась...» Преображенное пространство «тотчас же» напоминает автору «детство и “налистники” – блины, которые мать пекла на капустных листьях». И ему «вспоминаются Иртыш, наш дом, детство, пылающая печь, снега за окнами и мать со сковородником в руке...» (Иванов, 1978, с. 16). «Неисчерпаемая, широкая, богатая, не узнанная до конца страна была увидена заново немолодым и неуставшим Всеволодом Ивановым» [Всеволод Иванов..., 1975, с. 25], – так написал о сибирском пространстве «Хмеля» Шкловский.

Рассмотренные нами произведения Всеволода Иванова разных лет показывают, что Сибирь всегда оставалась для него если не идеальным пространством в чистом виде, то таким местом, куда он обязательно должен вернуться. К концу своего творческого пути писатель смог увидеть это пространство идеальным не потому, что на нем возникнет новая цивилизация или будут построены города будущего, не потому, что здесь могли бы быть созданы царство справедливости или зона максимального комфорта для человека, а потому, что оно было пространством родины.

Список литературы

- Банерджи Р.* Мир воображения героя в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / Отв. ред. В. В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 382–389.
- Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. 448 с.
- Воронский А. К.* Искусство видеть мир. М.: Сов. писатель, 1987. 700 с.
- Иванов Вяч. Вс.* «И мир опять предстанет странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г) // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2: Статьи о русской литературе. С. 504–512.
- Корниенко Н. В.* Имя Петербурга и Москвы в русской литературе 10–30-х гг. XX в. // Москва в русской и мировой литературе: Сб. ст. М.: Наследие, 2000. С. 210–247.
- Львов-Рогачевский В.* Новый Горький (Всеволод Иванов) // Современник. 1922. № 1. С. 155–169.
- Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / Отв. ред. Е. А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
- Павлак О. Н.* Концепция идеального пространства в лирике В. А. Жуковского // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2011. Вып. 8. С. 132–136.
- Папкова Е. А.* Всеволод Иванов и сибирское областничество // Вопросы культурологии. 2014. № 3. С. 72–78.

Папкина Е. А. Исторический и литературный контексты повести Вс. Иванова «Бегствующий остров» // Культура и текст. 2021. № 3 (46). С. 171–184.

Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / Отв. ред. А. В. Иванов. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 523 с.

Список источников

Иванов Вс. Похождения факира // Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 4. 728 с.

Иванов Вс. Хмель, или Навстречу осенним птицам // Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 8. 784 с.

Иванов Вс. Кремль. У: Романы. М.: Сов. писатель, 1990. 528 с.

Иванов Вс. Тайное тайных / Изд. подгот. Е. А. Папкина, отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: Наука, 2012. 566 с. (Литературные памятники)

References

Banerdzhi R. Mir voobrazheniya geroya v romane Vsevoloda Ivanova “Pokhozhdeniya fakira” [The world of the hero’s imagination in Vsevolod Ivanov’s novel “The Adventures of a Fakir”]. In: *Russkaya revolyutsiya 1917 goda v literaturnykh istochnikakh i dokumentakh* [The Russian Revolution of 1917 in literary sources and documents]. Polonskiy V. V. (Ed.). Moscow, IWL RAS, 2017, pp. 382–389.

Chistov K. V. *Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial’no-utopicheskikh legend)* [Russian folk utopia (genesis and functions of socio-utopian legends)]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2011, 523 p.

Ivanov Vyach. Vs. “I mir opyat’ predstanet strannym...” (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vsevoloda Ivanova, 24 fevralya 1895 g) [“And the world will appear strange again...” (On the 100th anniversary of the birth of Vsevolod Ivanov, February 24, 1895)]. In: Ivanov Vyach. Vs. *Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul’tury* [Selected works on semiotics and cultural history]. Moscow, LRC Publishing House, 2000, vol. 2: Stat’i o russkoy literature [Articles on Russian literature], pp. 504–512.

Kornienko N. V. Imya Peterburga i Moskvy v russkoy literature 10 – 30-kh gg. 20 v. [The name of St. Petersburg and Moscow in Russian literature 10 – 30s of the twentieth century]. In: *Moskva v russkoy i mirovoy literature: Sbornik statey* [Moscow in Russian and world literature: Collection of articles]. Moscow, Nasledie, 2000, pp. 210–247.

L’vov-Rogachevskiy V. Novyy Gor’kiy (Vsevolod Ivanov) [New Gorky (Vsevolod Ivanov)]. *Sovremennik*. 1922, no. 1, pp. 155–169.

Neizvestnyy Vsevolod Ivanov. *Materialy biografii i tvorchestva* [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity]. Papkova E. A. (Ed.). Moscow, IWL RAS, 2010, 784 p.

Papkova E. A. Istoricheskiy i literaturnyy konteksty povesti Vs. Ivanova “Begstvuyushchiy ostrov” [Historical and literary contexts of the story “The Fleeing Island” by Vs. Ivanov]. *Culture and text*. 2021, no. 3 (46), pp. 171–184.

Papkova E. A. Vsevolod Ivanov i sibirskoe oblastничество [Vsevolod Ivanov and the Siberian regionalism]. *Issues of Cultural Studies*. 2014, no. 3, pp. 72–78.

Pavlyak O. N. Kontsepsiya ideal'nogo prostranstva v lirike V. A. Zhukovskogo [The concept of an ideal space in the lyrics of V. A. Zhukovsky]. *IKBFU's Vestnik*. 2011, iss. 8, pp. 132–136.

Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoy k dukhovno-ekologicheskoy strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya [The civilizational mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development]. Ivanov A. V. (Ed.). Barnaul, Novyy format, 2022, 368 p.

Vsevolod Ivanov – pisatel' i chelovek. Vospominaniya sovremennikov [Vsevolod Ivanov as a writer and a man. Memoirs of contemporaries]. 2nd ed., exp. Ivanova T. V. (Comp.). Moscow, Sov. pisatel', 1975, 448 p.

Voronskiy A. K. *Iskusstvo videt' mir* [The art of seeing the world]. Moscow, Sov. pisatel', 1987, 700 p.

List of sources

Ivanov Vs. *Khmel', ili navstrechu osennim ptitsam* [Hops, or towards the autumn birds]. In: Ivanov Vs. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1978, vol. 8, 784 p.

Ivanov Vs. *Kreml'. U: Romany* [Kremlin. Y: Novels]. Moscow, Sov. pisatel', 1990, 528 p.

Ivanov Vs. *Pokhozhdeniya fakira* [The adventures of a fakir]. In: Ivanov Vs. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1975, vol. 4, 728 p.

Ivanov Vs. *Taynoe taynykh* [The secret of secrets]. Papkova E. A. (Comp.), Kornienko N. V. (Ed.). Moscow, Nauka, 2012, 566 p. (Literaturnye pamyatniki [Literary monuments])

Информация об авторе

Елена Алексеевна Папкина, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Information about the author

Elena A. Papkova, Doctor of Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 15.01.2024;

одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 26.02.2024

The article was submitted on 15.01.2024;

approved after reviewing on 26.02.2024; accepted for publication on 26.02.2024